

А.Г. Савельев*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ: УРОКИ ИСТОРИИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Данная статья посвящена изучению становления и развития концепций «ядерного сдерживания» и «стратегической стабильности», а также их роли в формировании политики в области национальной безопасности в Соединенных Штатах и Советском Союзе (Российской Федерации). Автор приходит к выводу, что с самого момента появления концепции «стратегической стабильности» существовало как минимум два подхода к определению ее сущности и содержания. Первый подход, который условно можно обозначить как «стабильность взаимного гарантированного уничтожения» («ВГУ-стабильность»), отрицает какую бы то ни было позитивную роль систем противоракетной обороны (ПРО) с точки зрения укрепления международной безопасности. Сторонники второго подхода, который также условно можно обозначить как «ПРО-стабильность», напротив, утверждают, что «тонкие» системы противоракетной обороны способствуют поддержанию стратегической стабильности, поскольку снижают риск случайного или несанкционированного пуска баллистических ракет. Кроме того, отмечается, что системы ПРО ограничивают возможность нанесения неожиданного обезоруживающего удара, снижают привлекательность концепций ограниченного применения ядерного оружия и, наконец, могут служить защитой от угроз со стороны третьих держав и от террористических атак. По мнению автора, борьба этих двух подходов не прекращалась на протяжении всего периода биполярного противостояния. Приверженцами «ПРО-стабильности», или, по выражению автора, подхода на основе «здорового смысла», были советский премьер-министр А.Н. Косыгин, который в 1967 г. поддержал идею создания ПРО для защиты жизни людей, и американский президент Р. Рейган, предложивший в 1983 г. концепцию «Стратегиче-

* Савельев Александр Георгиевич — доктор политических наук, заместитель руководителя Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (e-mail: saveliev@imemo.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

ской оборонной инициативы». Однако в целом политика обеих сторон строилась на принципах «ВГУ-стабильности», символом чего стало подписание Договора по ПРО в 1972 г. Приверженностью этой логике была обусловлена и весьма болезненная реакция со стороны России на выход США из данного Договора в 2002 г., который был истолкован как свидетельство планов Вашингтона добиться для себя односторонних военных преимуществ. По мнению автора, с созданием в 2011 г. Войск воздушно-космической обороны РФ с функциями ПРО наметилась тенденция к сближению подходов двух сторон к решению проблем международной безопасности, что открывает новые возможности для возобновления диалога по ПРО.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, безопасность, ядерное сдерживание, военная доктрина, ядерная стратегия, ядерное разоружение, ограничение вооружений, российско-американские отношения, баллистические ракеты, противоракетная оборона.

Концепция стратегической стабильности существует уже несколько десятилетий. Сначала она была принята «на вооружение» американскими политиками, затем и СССР на официальном уровне признал важность и полезность данного подхода к проблеме ограничения и сокращения ядерных вооружений и обеспечения международной безопасности в целом. Принцип стратегической стабильности был зафиксирован как основа договоренностей между СССР и США о полной ликвидации ракет средней и меньшей дальности (бессрочный Договор о РСМД 1987 г.) и сокращении стратегических наступательных вооружений сторон (Договор СНВ-1 1991 г.). Кроме того, тезис о необходимости укрепления стратегической стабильности присутствует в целом ряде других международных документов, а также зафиксирован в официальных документах США и России, озвучен в выступлениях руководителей этих стран и высокопоставленных государственных чиновников. В целом можно констатировать, что сегодня данный тезис воспринимается на всех уровнях общества как аксиома, носит однозначно положительный характер и фактически уже стал синонимом укрепления национальной и международной безопасности.

Принцип стратегической стабильности оказался довольно «живучим», действуя на протяжении практически всего периода послевоенных отношений между СССР/Россией и США. При этом он продемонстрировал и универсальность в применении, поскольку использовался сторонами как для оправдания наращивания своих стратегических арсеналов, так и для глубоких сокращений накопленных запасов ядерного оружия; как для односторонних действий по модернизации своих сил, так и при решении проблемы безопас-

ности на основе переговоров. Принцип стратегической стабильности неоднократно подвергался модификации и серьезным испытаниям. Руководители США и СССР не всегда были готовы принять идею о том, что обоюдная уязвимость сторон является условием их безопасности. При этом, когда точки зрения на данную проблему совпадали, стороны добивались значительного прогресса в вопросах ограничения и сокращения ядерных вооружений. В противном случае подозрительность и недоверие в отношениях брали верх над сотрудничеством.

В настоящей работе предпринята попытка проследить эволюцию подходов США и России к принципу стратегической стабильности с целью дать оценку эффективности его применения и перспектив укрепления международной безопасности. В первой части статьи обобщены теоретические подходы американских авторов к проблемам ядерного сдерживания и стратегической стабильности; во второй рассмотрены экспертная дискуссия и политическая практика в области реализации крупных военных программ, прежде всего противоракетной обороны, определения ее места и роли в системе безопасности, влияния на стратегическую стабильность.

* * *

С самого начала ядерной эры исследователи военно-политических проблем, прежде всего в США, сумели признать тот факт, что в сфере безопасности сложилась совершенно новая ситуация. Еще в 1946 г. известный американский ученый Бернард Броуди, которого считают основоположником теории ядерного сдерживания, писал о том, что главной целью военного сообщества в грядущий ядерный век становится не поиск победы в войне, а предотвращение такой войны [The absolute weapon: Atomic power and world order, 1946: 62]. Б. Броуди был уверен, что в течение последующих 5–10 лет СССР¹ лишит США монополии на обладание ядерным оружием и сможет развернуть такие же виды вооружения в значительных количествах [The absolute weapon: Atomic power and world order, 1946: 51]. История показала, что он был абсолютно прав.

Основное внимание ученый уделял вопросу создания и укрепления сил ответного удара. Наличие последних, утверждал он, является мощным сдерживающим фактором, делающим агрессию против их обладателя не только крайне рискованной, но и абсолютно самоубийственной. Б. Броуди считал, что безопасность

¹ Б. Броуди в данном случае называл целый ряд стран (Великобританию, Канаду, Францию), в число которых включал и СССР.

только укрепитя, если обе противостоящие стороны будут обладать малоуязвимыми силами ответного удара. В его последующих работах данный тезис получил дальнейшее развитие² [Brodie, 1978].

Практически в тот же период (вторая половина 1940-х годов) в США формировалась концепция сдерживания³, автором которой стал американский дипломат, политолог и историк Джордж Фрост Кеннан. Считается, что его доктрина, изложенная в 1947 г. в анонимной статье⁴ в журнале «Foreign Affairs» [X, 1947], легла в основу целого ряда важных дипломатических и политических начинаний США, включая «доктрину Трумэна», план Маршалла, создание НАТО и др. В отличие от Б. Броуди, Дж. Кеннан рассматривал проблему безопасности в первую очередь как политическую, а не военную. И решать ее он предлагал прежде всего политическими и экономическими методами⁵.

Поскольку в данном случае речь шла о прямом влиянии теории на политику безопасности и высшее руководство страны, между двумя этими подходами развернулась серьезная борьба. В частности, «ястребы» критиковали идеи Дж. Кеннана за их «оборонительную» направленность, недооценку роли военной мощи и ядерного оружия в политике «сдерживания» (дипломат наряду с прочим выступал против создания в США водородной бомбы), по ряду других направлений. Наиболее серьезным критиком Дж. Кеннана стал его личный друг Пол Нитце, который в 1950 г. сменил его на посту директора отдела Госдепартамента по планированию внешней политики. О непростых отношениях между «ястребом» (П. Нитце) и «голубем» (Дж. Кеннан) подробно написал в своей книге внук П. Нитце Николас Томпсон [Thompson, 2009].

В том же 1950 г. П. Нитце выступил в качестве автора секретной директивы Совета национальной безопасности (СНБ) США «Цели и программы США в области национальной безопасности», более

² Brodie B. Strategy in the Missile Age. Santa Monica: RAND Corporation, 1959.

³ Следует отметить, что в своих работах Б. Броуди употреблял термин «deterrence», что, строго говоря, следовало бы переводить как «устрашение». Дж. Кеннан, напротив, использовал термин «containment», что более верно отражает понятие «сдерживание». Тем не менее термин «ядерное сдерживание» (nuclear deterrence) на сегодня является вполне устоявшимся, поэтому в дальнейшем мы будем его употреблять в этой традиционной интерпретации.

⁴ Дж. Кеннан подписал ее как «X».

⁵ Интересно отметить, что через 40 лет примерно к тем же выводам пришло руководство СССР. Так, в своем докладе на XXVII съезде КПСС М. Горбачев заявил, что проблема обеспечения безопасности «все более предстает как задача политическая, и решить ее можно лишь политическими средствами» (Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 64).

известной как «Директива СНБ-68»⁶. В данном документе, который произвел большое впечатление на американское руководство, в том числе на президента Г. Трумэна, П. Нитце в целом призывал к быстрому и постоянному наращиванию усилий США, включая военные приготовления, для противостояния СССР во всех областях деятельности с целью не допустить усиления советского авторитета в мире. Влияние данного документа на политику Вашингтона было столь велико, что его автор небезосновательно был в дальнейшем признан «архитектором холодной войны».

Следует особо подчеркнуть, что все последующие программы в сфере наращивания стратегических ядерных сил США формировались в связи с рекомендациями и идеями, поступавшими от представителей научного сообщества, особенно RAND Corporation, продолжавших теоретически осмысливать сущность и содержание ядерной стратегии. Основной смысл этих рекомендаций заключался в необходимости повышения живучести и неуязвимости «сил сдерживания», их ориентации на ответный удар, снижения уровня «привлекательности» для превентивного нападения вероятного противника (речь, естественно, шла об СССР).

Особо необходимо отметить идеи основоположника «сценарного» метода прогнозирования Германа Кана, чьи выводы, изложенные в книге «О термоядерной войне» [Kahn, 1960], внесли серьезный вклад в исследование проблемы эскалации вооруженного противостояния, включая взаимосвязь обычных и ядерных вооружений. В числе прочего Г. Кан настоятельно рекомендовал не только укреплять силы ответного удара США, но и приложить серьезные усилия для того, чтобы «убедить» СССР в его неспособности достичь целей войны в случае нанесения превентивного удара по Соединенным Штатам.

Общепризнанным авторитетом в исследованиях стратегических проблем, связанных с вопросами сдерживания и политики в отношении ядерных вооружений в рассматриваемый период, стал американский экономист⁷, профессор Мэрилендского университета Томас Шеллинг. В своей наиболее известной работе «Стратегия конфликта» [Schelling, 1960] будущий нобелевский лауреат⁸ успешно применил теорию игр к анализу мотивов, целей, задач и возмож-

⁶ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (14 April 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of 31 January 1950. Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (accessed: 23.07.2015).

⁷ Кстати, экономистами по образованию были также Г. Кан и П. Нитце.

⁸ В 2005 г. Т. Шеллингу (совместно с профессором Р. Ауманном) была присуждена Нобелевская премия по экономике «За расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр».

ного поведения участников ядерного противостояния. Согласно проведенным опросам его монография была включена в список 100 «наиболее влиятельных книг», вышедших в свет после окончания Второй мировой войны⁹. До этого Т. Шеллинг «отрабатывал» свой подход в других публикациях RAND Corporation¹⁰. Еще одним значимым его исследованием стала вышедшая в свет в 1967 г. работа «Оружие и влияние» [Schelling, 1967], в которой были изучены методы трансформации военной силы (угроз) в политическое и военное влияние, оказываемое на вероятного противника.

Если говорить об авторах практически воплощенных научных идей, то в первую очередь стоит упомянуть еще одного сотрудника RAND Corporation — Альберта Уолстеттера, который работал в Корпорации с 1951 по 1963 г. вместе со своей супругой Робертой. К числу его рекомендаций¹¹, принятых руководством США, относятся перебазирование всей стратегической авиации на территорию Соединенных Штатов, развертывание межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Минитмен» в шахтных пусковых установках (ШПУ) вместо открытых позиций, развертывание системы противоракетной обороны (ПРО) вокруг ШПУ МБР. В своей публикации «Хрупкое равновесие страха» [Wohlstetter, 1959] А. Уолстеттер высказал ряд сомнений в отношении доктрины «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ), отметив, что будущая война может и не свестись лишь к массированному обмену ядерными ударами, и угроза массированного ответного удара может не сдерживать ограниченное использование ядерного оружия. В этой связи он предлагал выработать варианты ограниченного ответа на возможное «периферийное» применение такого оружия вероятным противником. А. Уолстеттер считал важным улучшать качество ядерных сил США, а не наращивать их количество. Особое внимание он уделял повышению их неуязвимости и защищенности, поэтому предлагал в числе прочего развертывать стратегические силы США как можно дальше от территории СССР, а также внедрить в стратегические ядерные силы надежную систему «позитивного контроля»¹². Ученый выступал за выработку системы контроля

⁹ The Hundred Most Influential Books Since the War (TLS). Available at: <http://www.interleaves.org/~rteeter/grtts.html> (accessed: 25.07.2015).

¹⁰ Schelling T.C. The Reciprocal Fear of Surprise Attack. Santa Monica: RAND Corporation, 1958.

¹¹ А. Уолстеттер возглавлял ряд проводимых по заказу ВВС США исследований RAND Corporation, в которых и были обоснованы данные рекомендации.

¹² «Позитивный контроль» — система управления и связи стратегических ядерных сил, позволяющая надежно контролировать исполнение приказов высшего руководства в условиях кризиса, включая повышение уровня боеготовности вплоть до применения ядерного оружия. Эта система также обеспечивает кон-

над вооружениями, основанную на четкой проверке достигнутых договоренностей. В то же время он предостерегал руководство США от переноса стереотипов собственного поведения на СССР, говоря о том, что в кризисной ситуации советские лидеры, скорее всего, будут действовать по-другому и принимать иные решения, нежели руководители «западной» стратегической культуры [Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter, 2009]. Идеи А. Уолстеттера были широко востребованы администрациями американских президентов от Дж. Кеннеди до Р. Рейгана. В ноябре 1985 г. Р. Рейган наградил каждого из супругов Уолстеттер высшей наградой США для гражданских лиц — «Президентской медалью Свободы».

Список американских исследователей, имевших непосредственное отношение к выработке стратегии сдерживания, в том числе публиковавших работы на эту тему, далеко не исчерпывается приведенными именами: он насчитывает буквально сотни фамилий ученых, политиков, военных и просто граждан, интересующихся данной проблемой. Своими работами они дополняли уже сформулированные положения американской стратегии, иногда внося определенный вклад в ее развитие. Таким вкладом стала работа Генри Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», опубликованная в 1957 г. В ней, как считается, были заложены основы «расширенного сдерживания», включая варианты ограниченного применения ядерного оружия [Kissinger, 1957]. Г. Киссинджер, как и А. Уолстеттер, Г. Кан, ряд других исследователей, не выступал сторонником доктрины ВГУ, доказывая, что существует целый ряд сценариев ограниченного применения такого оружия, которые не всегда можно предотвратить, просто угрожая полным уничтожением «вероятного противника».

Необходимо также отметить идеи министра обороны США в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона Роберта Макнамары, который предложил количественное определение понятия «гарантированное уничтожение». Это определение, которое до сих пор фигурирует в работах многих российских и западных исследователей (хотя большинство из них считают предложенные величины значительно завышенными), заключается в том, что для гарантированного уничтожения (и, следовательно, надежного сдерживания) Советского Союза Соединенные Штаты должны обладать

троль исполнения «обратных» приказов по снижению уровня боеготовности, например по возврату тяжелых бомбардировщиков на аэродромы после экстренного взлета. Данная система отличается от «негативного контроля», который обеспечивает надежность функционирования ядерных сил в обычное время и блокирует возможность их случайного или несанкционированного применения.

стратегическим потенциалом, способным в ответном ударе уничтожить от 1/5 до 1/4 населения¹³ и примерно половину промышленного потенциала СССР. Это может быть достигнуто доставкой до целей около 400 ядерных боезарядов мегатонного класса¹⁴.

Подводя промежуточный итог, сделаем вывод о том, что стратегия сдерживания и концепция ВГУ — коллективный итог интеллектуального труда целого ряда американских исследователей, работавших в группах или индивидуально. В ходе их деятельности выработалась современная стратегическая культура США, сформировались различные школы стратегических исследований, были отработаны механизм взаимодействия с исполнительной и законодательной властью, методы и способы доведения рекомендаций научного сообщества до заинтересованных государственных органов и конкретных лиц, отвечающих за проблемы безопасности, включая высшее руководство страны. Об основных положениях теории ядерного сдерживания написано много трудов [Powell, 2003]. Среди них выделяются крупные коллективные монографии, подготовленные в том числе названными выше американскими учеными, которые заложили основы теории ядерного сдерживания и стратегической стабильности [Managing nuclear operations, 1987]. Следует также подчеркнуть, что подобные работы ведутся в США на постоянной основе большими группами аналитиков, предлагающих собственное видение проблем безопасности, сдерживания и перспектив контроля над вооружениями [Deterrence. Its past and future, 2011].

Концепция стратегической стабильности вырабатывалась в процессе проведения исследований в сфере ядерного сдерживания. На первых этапах она еще не оформилась в качестве самостоятельной и самодостаточной. Однако уже в работах Б. Броуди, Т. Шеллинга и других авторов встречаются требования о необходимости обеспечить «стабильность сдерживания» и «стабильность баланса ядерных сил». Это считалось важным, поскольку такая «стабильность» гарантировала предсказуемость стратегической ситуации на перспективу, особенно в период развернувшейся гонки вооружений.

Серьезным стимулом для развития и становления данного направления стратегических исследований в США стала подготовка

¹³ Население как таковое не предлагалось сделать объектом нацеливания ответного удара США. Однако в случае удара по крупным промышленным центрам примерно такие потери ожидалась среди мирных советских граждан.

¹⁴ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara Before the House Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1969–1973 Defense Program and 1969 Defense Budget. Available at: <http://documents.theblackvault.com/documents/dod/readingroom/10/151.pdf> (accessed: 26.07.2015).

к «Конференции о предотвращении неожиданного нападения» 1958 г.¹⁵ [Suri, 1997]. В это время Соединенные Штаты были весьма озабочены испытаниями баллистических ракет и запуском первого советского искусственного спутника Земли в 1957 г. Согласно прогнозам СССР в ближайшие годы мог развернуть значительное количество таких ракет с ядерными боеголовками, что, по мнению американских военных и политиков, резко повышало угрозу неожиданного нападения. В этой связи возросла и потребность в проведении серьезных теоретических работ в сфере безопасности, что в еще большей степени повысило роль научного сообщества в обосновании главных положений ядерной стратегии США. В то же время подобные исследования были необходимы в том числе и потому, что идея достижения договоренности с СССР в сфере контроля над ядерными вооружениями становилась все более привлекательной для американского руководства. С советской стороны также «поступали сигналы» о возможности установления договорных отношений с Соединенными Штатами в рассматриваемой сфере¹⁶. О перспективах такого сотрудничества писали и американские исследователи. В частности, Т. Шеллинг утверждал, что фактически стороны вне зависимости от их «желания» уже находятся в сфере деятельности контроля над вооружениями, поскольку их военные программы во многом зависят друг от друга [Schelling, 1961: 730].

Что касается целостной концепции стратегической стабильности, то к началу — первой половине 1960-х годов основные ее составляющие уже были обоснованы в работах американских исследователей. Так, было признано, что безопасность США зависит от нескольких условий. С одной стороны, от способности Вашингтона к нанесению ответного удара с причинением агрессору (СССР) «неприемлемого ущерба» и от того, насколько Советский Союз убежден в том, что его возможное нападение неизбежно повлечет за собой сокрушительный ответный удар. С другой стороны, от

¹⁵ 1958 Geneva Conference on Preventing Surprise Attack. Инициаторами этой конференции выступили США. В ней приняли участие представители пяти западных стран (США, Великобритании, Франции, Канады и Италии) и пяти восточных государств (СССР, Польши, Чехословакии, Румынии и Албании). Встреча проходила в Женеве в период с 10 ноября по 18 декабря 1958 г. Несмотря на то что конференция закончилась безрезультатно, она стала важным этапом на пути к достижению реальных договоренностей по контролю над вооружениями. Более подробно см.: [Suri, 1997].

¹⁶ В рассматриваемый период времени СССР настаивал на том, чтобы заключить в достаточно короткие сроки договор о «всеобщем и полном» ядерном разоружении. Тем не менее американские эксперты считали, что СССР все же можно «убедить» пойти на более скромные соглашения в сфере контроля над вооружениями, укрепляющие безопасность сторон.

возможностей СССР нанести такой удар в случае ядерного нападения на него Соединенных Штатов и от убежденности США в неизбежности подобного исхода, если агрессия произойдет. Кроме того, такая обоюдная убежденность становится серьезным сдерживающим фактором при принятии решений в неясной ситуации, например при получении предупреждения об атаке, которое могло быть ложным. Поддержание такого положения дел в неизменном виде и есть суть стратегической стабильности.

Совершенно очевидно, что способность как к «выживанию», так и к нанесению первого обезоруживающего удара зависит от качества и количества состоящих на вооружении стратегических систем оружия. В этой связи в рассматриваемый период было предложено различать «оборонительные» и «наступательные» системы. Сегодня их называют «стабилизирующими» и «дестабилизирующими» вооружениями. Принцип такого разделения, предложенного Т. Шеллингом в работе «Стратегия конфликта» [Schelling, 1961], довольно прост (но от этого не является неверным): если система оружия обладает противосиловым потенциалом, то ее следует считать «наступательной»; если нет — «оборонительной»¹⁷. Большое значение при этом имеет степень живучести таких сил, поскольку «оборонительная» система оружия не может быть использована для «обороны» (т.е. для ответного удара), если она не переживет первого удара противника. Определенную роль в повышении живучести стратегических сил могла бы сыграть система ПРО.

Концепция стратегической стабильности в ходе своего формирования и развития постоянно была предметом споров и интенсивных дебатов среди специалистов. Как справедливо, на наш взгляд, отметил американский исследователь проблем безопасности М. Джерсон, «...стратегическая стабильность есть и всегда была широко используемой концепцией при отсутствии ее общего понимания. Не существует общепринятого определения ни стабильности, ни

¹⁷ Разумеется, это несколько упрощенное определение. Фактически к «дестабилизирующей» категории можно отнести систему оружия, обладающую противосиловым потенциалом, но уязвимую для первого удара со стороны вероятного противника и к тому же «привлекательную» с точки зрения своей «ценности» — большого количества развернутых на ней зарядов. Традиционно США считали такими системами советские тяжелые МБР шахтного базирования. В начале 1990-х годов дестабилизирующий характер МБР с РГЧ признавало и российское руководство, включая высших представителей Минобороны РФ. Так, министр обороны П. Грачев прямо заявлял: «В кризисной ситуации из-за опасения потерять свой потенциал может появиться соблазн вывести из-под удара ракеты с РГЧ ИН, т.е. запустить их. В этом, собственно, и кроется дестабилизирующий характер МБР с РГЧ ИН» (Известия. 22.06.1992 г. С. 7. Доступ: http://www.yeltsincenter-archive.ru/upload/newspaper/1992/izv06_22_92/index.html (дата обращения: 29.07.2015)).

того, какие факторы способствуют ее укреплению, а какие ее ослабляют. Нет и единого инструмента для ее измерения» [Strategic stability: Contending interpretations, 2013: 2]. С этими утверждениями можно было бы и поспорить¹⁸, но рациональное зерно в них все же присутствует, что можно проиллюстрировать на примере рассмотрения проблемы ПРО, роли и места последней в системе безопасности и ее влияния на стратегическую стабильность.

* * *

Проблема противоракетной обороны была и остается весьма неоднозначной. Не говоря уже о высказываемых научным сообществом различных теоретических оценках влияния ПРО на стратегическую стабильность и безопасность, политика США и СССР/России в этом отношении также весьма противоречива.

Прежде всего, отметим, что до сих пор не существует единого мнения о том, насколько «здравый смысл» в этом вопросе может перевесить логику ядерного сдерживания. Под «здравым смыслом»¹⁹ в данном случае автор понимает подход, высказанный премьер-министром СССР А.Н. Косыгиным в феврале 1967 г. на пресс-конференции в Лондоне. Отвечая на вопрос о том, возможно ли достижение советско-американской договоренности о неразвертывании систем ПРО, он выразил четкое мнение, что такие системы не являются причиной гонки вооружений. Более того, он заявил, что, несмотря на более высокую стоимость оборонительных систем по сравнению с наступательными ядерными вооружениями, ПРО предназначена для сохранения жизней людей, а не для их убийства²⁰.

По утверждению некоторых авторов, А.Н. Косыгин сделал подобное заявление в связи с тем, что отправился в Англию еще до того, как вопросы ПРО обсудило советское руководство, и его ответы были «превратно истолкованы» [Корниенко, 2001: 253, 254]. Однако такие рассуждения не выдерживают критики, ведь через

¹⁸ Как представляется, в ходе переговоров по контролю над вооружениями в 1980-е годы СССР и США все же достигли общего понимания по вопросу о том, что такое стратегическая стабильность и какие факторы оказывают на нее влияние.

¹⁹ Разумеется, не все согласятся с этим термином, предпочитая использовать другой — «прямолинейное» или даже «примитивное» мышление. Автор считает, что понятие «здравый смысл» в наибольшей степени отражает логику подхода к вопросам безопасности не только советских руководителей, например А.Н. Косыгина, но и ряда представителей американского руководства, прежде всего президента США Р. Рейгана, выдвинувшего в марте 1983 г. программу СОИ.

²⁰ См.: Gerald R. Ford. Why a Missile Defense? Statement by Rep. Gerald R. Ford, Minority Leader, US House of Representatives, 1969. Available at: <http://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0054/4526174.pdf> (accessed: 06.08.2015).

4,5 месяца после выступления в Лондоне советский премьер практически повторил свои слова на встрече с президентом США Л. Джонсоном в Глассборо (США, штат Нью-Джерси). Это свидетельствует о том, что в Москве, как и в Вашингтоне, существовали различные точки зрения по поводу систем ПРО. Кстати, тот же Г.М. Корниенко говорит о том, что вновь назначенный министр обороны СССР А.А. Гречко «менее благосклонно» относился к переговорам с США по стратегическим вооружениям, «особенно оборонительным» [Корниенко, 2001: 256]. Таким образом, в ходе состоявшихся обсуждений проблемы ПРО советскому руководству не удалось достичь единого мнения по этому вопросу. Более того, можно утверждать, что заключенный в 1972 г. бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны отнюдь не означал всеобщего признания дестабилизирующего характера этих вооружений. В пользу такого вывода свидетельствуют серьезные программы в области ПРО, которые были развернуты в СССР и США уже после подписания документа. И несмотря на то что некоторые американские авторы [Yost, 2011: 20] утверждают, будто в период с 1972 по 1983 г. СССР истратил на программы в области обороны «в несколько раз больше» средств, чем США²¹, американская «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) быстро компенсировала это «отставание».

Сфера ПРО стала не единственной областью, в которой периодически возникали и возникают серьезные противоречия между «здравым смыслом» и «парадоксальной логикой стратегии», о которой писал известный американский исследователь Эдвард Луттвак [Luttwak, 2003]. В частности, именно «здравым смыслом» руководствовался СССР, выдвигая принцип «одинаковой безопасности» в качестве основы своей позиции в первом раунде переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ). Речь шла о том, какие ядерные средства следует учитывать в будущих договоренностях с Вашингтоном. Москва настаивала на том, чтобы в учет принимались не только стратегические наступательные вооружения (СНВ) сторон, но и средства передового базирования США, способные достигать территории Советского Союза, а также ядерные силы американских союзников по НАТО — Великобритании и Франции. Можно сказать, что с позиций того же «здравого смысла» в таком подходе была своя логика. Однако не с точки зрения возможностей достичь каких-либо договоренностей на этой основе, что в конечном итоге вынуждены были признать

²¹ Подобные оценки, представляемые ЦРУ, включали все программы в сфере обороны СССР — ПРО, ПВО и гражданской обороны.

руководители СССР. Тем не менее и в последующих переговорах советская сторона настойчиво продолжала требовать такого учета — и каждый раз неудачно.

* * *

Что касается отношения к проблеме ПРО и стратегической стабильности, то в начале—середине 1960-х годов в США сложилось не менее трех влиятельных групп политиков и экспертов, имевших различные взгляды на эти вопросы. К первой группе принадлежали «чистые» противники развертывания ПРО, ко второй — сторонники ограниченной, или «тонкой», обороны от баллистических ракет. Интересно, что, находясь на противоположных флангах, и те, и другие утверждали, будто именно их подход способствует укреплению стратегической стабильности. В число первых входили приверженцы доктрины ВГУ, и их главным аргументом было утверждение, что развертывание ПРО США не только вызовет аналогичную ответную реакцию со стороны СССР, но и повлечет за собой наращивание стратегического наступательного арсенала, а это в свою очередь снизит потенциал ответного удара стратегических сил Соединенных Штатов. В рамках дальнейшего анализа проблемы назовем этот подход к стратегической стабильности «ВГУ-стабильность», или «MAD Stability».

Его противники утверждали, что проблема безопасности и сдерживания не должна сводиться только к сценарию массированного обмена ударами. В случае ограниченного применения ядерного оружия «тонкая» оборона может сыграть стабилизирующую роль, поскольку вероятный противник не будет уверен в том, что его ограниченный удар достигнет цели. К тому же подобная оборона будет весьма полезной против баллистических ракет «третьих стран» (имелся в виду Китай) либо случайного или несанкционированного пуска баллистических ракет. Этой точки зрения в основном придерживались представители RAND Corporation, а также такие авторитетные политики, как Г. Киссинджер²². Такой подход в дальнейшем мы будем называть «ПРО-стабильность», или «BMD Stability».

Была еще одна, третья, наиболее влиятельная группа, которую составляли «прагматики» и куда входили многие представителя администрации США. Их позиция по отношению к ПРО зависела

²² Statement of the Honorable Henry A. Kissinger before the Senate Foreign Relations Committee. 26 May 1999. Available at: http://www.nuclearfiles.org/menu/key-issues/missile-defense/history/kissinger_statement-senate-foreign-relations.htm (accessed: 10.08.2015).

в гораздо большей степени от технической осуществимости программ, от финансовых и других соображений, нежели от теоретических построений сторонников и противников противоракетной обороны. Наиболее характерным примером в данной связи является точка зрения министра обороны США Р. Макнамары. В сентябре 1967 г. он объявил, что США развернут «тонкую» систему ПРО для защиты крупнейших населенных центров страны против перспективных китайских ракетных систем. Такое заявление неприятно удивило многих противников ПРО, учитывая тот факт, что в ходе предыдущих обсуждений министр с пониманием отнесся к их аргументам²³. В дальнейшем, после прихода к власти администрации Р. Никсона в 1969 г., также было объявлено о намерении США развернуть систему ПРО, которая бы защищала стартовые позиции МБР и 12 крупнейших населенных центров США от ограниченного удара баллистических ракет. Тем не менее и это предложение не получило серьезной поддержки. Администрация США столкнулась с сильной общественной оппозицией, протестовавшей против развертывания ядерных перехватчиков вблизи крупных населенных центров, а Группа по военно-стратегическим вопросам Президентского научного совета представила доклад, подписанный известным стэнфордским физиком Сиднеем Дреллом, в котором были высказаны сомнения по поводу эффективности предлагаемой системы ПРО, изначально планировавшейся для защиты территории США, обороны ШПУ американских МБР²⁴. К тому же в конце 1969 г., с началом советско-американских переговоров, завершившихся подписанием Договора ОСВ-1, планы США стали пересматриваться, в том числе в связи с позицией СССР, который в принципе не отрицал возможности достижения соглашения в области ПРО [Savelyev, Detinov, 1995: 21–23].

И все же, как представляется, главным аргументом в пользу серьезного ограничения систем противоракетной обороны в рассматриваемый период стал вопрос о низкой эффективности этого оружия на фоне совершенствования средств прорыва ПРО (большое количество ложных целей) и перспектив оснащения МБР многозарядными боевыми частями, включая боевые блоки независимого наведения. Такая ситуация объективно играла на руку участникам первой группы американских экспертов (сторонников «ВГУ-стабильности»), чьи аргументы по поводу дестабилизирующего влияния противоракетной обороны как бы получили офици-

²³ Missile Defense Thirty Years Ago: Déjà Vu All Over Again? National Security Archive Electronic Briefing Book No. 36. Published 18 December 2000. Edited by W/ Burr. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB36/> (accessed: 08.08.2015).

²⁴ Данная информация получена автором лично из переписки с С. Дреллом.

альную поддержку со стороны руководства США, отказавшегося от развертывания ПРО территории страны.

Это отнюдь не означало, что в теоретическом плане данная группа представила более серьезные обоснования своего видения стратегической стабильности, чем сторонники «ПРО-стабильности», предлагавшие развернуть «тонкую», или ограниченную, систему ПРО территории США. Однако факт остается фактом: с момента подписания Договора по ПРО в 1972 г. оборона территории страны стала на официальном уровне считаться дестабилизирующим фактором, а жесткие ограничения на системы ПРО — необходимым условием сохранения и укрепления стратегической стабильности. Именно советско-американское соглашение 1972 г. явилось символом торжества концепции «ВГУ-стабильности», с которой, по крайней мере в СССР и России, стала полностью ассоциироваться стратегическая стабильность как таковая.

* * *

Договор по ПРО, который в СССР со временем начали называть «краеугольным камнем стратегической стабильности», все же не в полной мере отвечал ее жестким критериям. Так, «для повышения уверенности в эффективности ограничений систем ПРО» соглашение разрешало строительство радиолокационных станций (РЛС) предупреждения о нападении стратегических баллистических ракет только по периметру собственных границ «с ориентацией вовне»²⁵. Следует отметить, что РЛС предупреждения, согласно этому же Договору, не являлись «компонентами ПРО» и отличались от РЛС ПРО, предназначенных для наведения противоракет. При этом обеспеченная надежной и продублированной системой предупреждения уверенность каждой из сторон в том, что она не подверглась неожиданной атаке, является одним из важных условий поддержания и укрепления стратегической стабильности. Таким образом, подобный запрет был явно не в ее пользу, а стал следствием высокой степени подозрительности и недоверия между двумя странами.

Еще в большей степени сомнительным с данной точки зрения было положение Договора о необходимости согласовывать ограничения на системы ПРО, основанные на иных физических принципах и содержащие компоненты, способные заменять противоракеты,

²⁵ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. Доступ: <http://pircenter.org/media/content/files/9/13468394220.pdf> (дата обращения 08.08.2015).

пусковые установки противоракет или РЛС ПРО²⁶. Стороны фактически допускали, что работы в сфере противоракетной обороны, основанной на иных физических принципах, будут продолжены. Но если ПРО была признана дестабилизирующей системой оружия, способной подорвать стратегическую стабильность и безопасность сторон, зачем нужно было давать столь расплывчатое определение, допускающее и даже предполагающее продолжение работ в данной области? Это, на взгляд автора, в очередной раз говорит о том, что при заключении Договора по ПРО решающим фактором стала низкая эффективность оборонительных систем, а не соображения в пользу «жесткого» толкования концепции стратегической стабильности, согласно которому система ПРО однозначно считается неприемлемой.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что приведенные выводы можно считать «упреком» прежде всего в адрес США, поскольку именно американская сторона в ходе переговоров по ОСВ-1 якобы руководствовалась идеями укрепления стратегической стабильности. Что касается СССР, то, по многим свидетельствам, советское руководство и переговорщики не только не воспринимали положения данной концепции, но и были весьма слабо с ней знакомы [Savel'yev, Detinov, 1995: 2, 7, 21–22]. В то же время некоторые российские исследователи считают, что положения стратегической стабильности вырабатывались как в США, так и в СССР примерно в одно и то же время [Кокошин, 2011: 35–36, 40].

* * *

В 1970-е годы концепция стратегической стабильности неоднократно подвергалась серьезным испытаниям. Это было связано прежде всего с развитием и совершенствованием СНВ. Руководство США пыталось следовать выработанным критериям стабильности, что в ряде случаев заставляло вносить серьезные коррективы в военные проекты. Наиболее характерным примером в данной связи является программа развертывания МБР «МХ», оснащенной многозарядной боевой частью с десятью высокоточными боеголовками каждая. Администрация США рассматривала самые различные варианты реализации этой программы, в том числе с точки зрения их соответствия критериям стратегической стабильности [Medalia, 1981]. Однако это не всегда удавалось, и на первый план выдвигались решения, вступающие в явное противоречие с концепцией, ограничивающей развертывание ПРО.

²⁶ Это положение присутствует в Согласованных заявлениях в связи с Договором по ПРО, которые являются его неотъемлемой частью.

Так, в докладе Президентской комиссии по стратегическим силам (апрель 1983 г.) было прямо сказано, что путем развертывания МБР «МХ» США «для сдерживания советской угрозы»²⁷ должны поставить под прицел «наиболее ценные инструменты контроля и власти», включая защищенные объекты, такие как командные центры, ШПУ МБР, склады ядерных боеприпасов и др.²⁸ Понятно, что создание даже «адекватной» угрозы стратегическим силам противоположной стороны трудно «смонтировать» с укреплением стратегической стабильности, которая предполагает как раз обратное. Однако комиссия, в состав которой в качестве членов и советников входили такие известные личности, как Александр Хейг, Уильям Перри, Гарольд Браун, Генри Киссинджер, Дональд Рамсфелд, Джеймс Шлессинджер и другие, все же попыталась это сделать. Эксперты утверждали, что развертывание МБР «МХ» станет в будущем способствовать созданию более «стабильной» структуры сил участников переговоров по контролю над вооружениями. В частности, речь шла о возможном переходе сторон на менее «привлекательные» для первого удара однозарядные МБР²⁹, а пока наилучшим решением проблемы следует считать создание «адекватной» угрозы для СССР, что наряду с прочим могло способствовать сдерживанию возможных ограниченных ударов или неядерного нападения на США и их союзников.

Еще больше противоречий вызвала программа СОИ, выдвинутая президентом США Р. Рейганом в марте 1983 г. Эта инициатива, целью которой было объявлено выявление технической возможности создания надежной обороны против баллистических ракет, стала прямым вызовом американским сторонникам концепции «ВГУ-стабильности». Более того, именно эта программа, по нашему мнению, способствовала принятию в СССР данного варианта концепции стратегической стабильности, поскольку СОИ была весьма уязвима с точки зрения теоретического обоснования ее

²⁷ Под «советской угрозой» в данном случае США подразумевали «окно уязвимости». Речь шла о том, что после развертывания значительного количества советских МБР с РГЧ (особенно «тяжелых» МБР СС-18) уязвимость американских МБР, согласно проведенным расчетам, резко возросла. Данные расчеты показали, что при использовании только части своих ракет СССР способен уничтожить все МБР шахтного базирования США и другие защищенные объекты военной инфраструктуры (командные центры и проч.).

²⁸ См.: Report of the President's Commission on Strategic Forces. April 1983. P. 6. Available at: <http://web.mit.edu/chemistry/deutch/policy/1983-ReportPresCommStrategic.pdf> (accessed: 10.08.2015).

²⁹ Такая договоренность была достигнута в ходе переговоров по СНВ-2. Однако этот Договор, подписанный Россией и США в январе 1993 г., так и не вступил в силу. Более подробно об этом см.: [Савельев, 2000].

вклада в укрепление безопасности, с которой прочно ассоциировалась базовая идея «ВГУ-стабильности».

Логика американского президента в данном случае полностью соответствует принятому нами определению «здравого смысла». Она заключается в следующем: если мы обладаем возможностью защитить население своей страны и союзников, почему мы этого не делаем? Если существует договор, препятствующий решению этой жизненно важной задачи (Договор по ПРО), то это означает, что данный договор представляет угрозу для нашей национальной безопасности и должен быть отменен или заменен другим соглашением, позволяющим развернуть систему ПРО территории страны³⁰.

Интересно отметить, что в то же самое время на параллельных переговорах по РСМД и СНВ США усиленно (и небезуспешно) продвигали идею о необходимости укреплять стратегическую стабильность, убеждая советскую сторону сократить как минимум вдвое количество развернутых «тяжелых» МБР и общий «забрасываемый вес» стратегических ракет. Американские предложения были приняты и зафиксированы в подписанном в 1991 г. Договоре СНВ-1. При этом как ранее заключенный Договор по РСМД (1987)³¹, так и Договор по стратегическим наступательным вооружениям³² базировались на принципе «стратегической стабильности», который обе стороны понимали как «ВГУ-стабильность».

Программа СОИ подвергалась интенсивной критике со стороны не только американских противников ПРО, но и советских представителей всех уровней — от официальных лиц до журналистов и пропагандистов. Отголоски этих дебатов присутствуют и сегодня в российской оценке американских проектов в области ПРО. Одно только перечисление фамилий авторов, выступавших против СОИ, и названий их работ заняло бы не один десяток страниц, но в целом вся аргументация сводилась к анализу послед-

³⁰ Данная логика действовала в ходе проведения советско-американских переговоров СНВ-1 в группе по обороне и космосу (США считали их отдельными переговорами), в которых с 1989 по 1991 г. принимал участие и автор настоящей работы. С американской стороны вносились предложения заменить Договор по ПРО другим соглашением, которое предполагало переход сторон к режиму «с большим упором на оборону». От обсуждения вопросов, связанных со стратегической стабильностью, американские представители старались уклоняться.

³¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 21.07.2015).

³² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/russia_usa.shtml (дата обращения: 21.07.2015).

ствий американской программы с точки зрения ее влияния (естественно, отрицательного) на стратегическую стабильность. Речь шла, в частности, о подрыве стратегической стабильности путем попытки создать оборону против ответного удара, об инициации гонки стратегических вооружений по всем направлениям; обсуждались проблема «милитаризации космоса» и создание «ударных космических вооружений». Помимо всего прочего СОИ критиковалась многими американскими учеными и экспертами как технически неосуществимая программа, которая ведет как к напрасному разбазариванию ресурсов, так и к обострению отношений с СССР, а затем — и с Россией.

Что касается сторонников ПРО, то, на наш взгляд, они вышли со своими предложениями менее подготовленными в теоретическом плане, чем их оппоненты. Этот факт некоторые из них были вынуждены подтвердить. Так, заместитель директора влиятельной американской научно-исследовательской организации «Фонд Наследия» Ким Холмс в конце 1987 г. (т.е. через 4,5 года после выдвижения программы СОИ) писал, что эта программа «выдвигает требования к американским военным планировщикам подумать о том, как оборона и наступление могут работать вместе, для того чтобы сдерживание было более эффективным». В этой связи «Соединенным Штатам следует серьезно задуматься о выработке последовательной и всеобъемлющей стратегической доктрины сдерживания» [Kim, 1987]. Стоит напомнить, что доктрина ядерного сдерживания начала вырабатываться в США еще до того, как у СССР появилось ядерное оружие, т.е. опережала стратегическую ситуацию.

Следует особо пояснить, что фактически Р. Рейган в своей «Стратегической оборонной инициативе» вольно или невольно предложил концепцию безопасности США, основанную на их полном превосходстве и неуязвимости, хотя и говорил о том, что такая система может защитить «весь мир» [Davis, 2000]. Ни сторонники «ВГУ-стабильности», ни приверженцы «ПРО-стабильности» не призывали руководство США стремиться к обретению полного военного превосходства над СССР. Напротив, вся изначальная концепция стратегической стабильности строилась на идее равенства возможностей сторон как в наступлении, так и в обороне. Этим, на наш взгляд, и объясняется слабость теоретического обоснования позиции США по СОИ, которая была представлена американской стороной на переговорах по обороне и космосу. Трудно вообразить, чтобы Вашингтон мог надеяться достичь какого-либо соглашения, открыто заявляя о стремлении к абсолютному превосходству и одновременно предлагая Москве полностью ликвидировать РСМД и наполовину сократить стратегический ядерный потенциал, тем

более что СССР почти «до самого конца» сохранял увязку между строгим соблюдением Договора по ПРО и своим согласием на названные сокращения ядерных средств.

Аргументация сторонников СОИ не была особо изощренной. В основном они говорили о том, что оборонительные системы могут в будущем способствовать «отмиранию» ядерного оружия, и оборона, которая наряду с прочим защитит стратегические силы США, может, таким образом, способствовать укреплению стратегической стабильности, что перед лицом растущего распространения ракетного и ядерного оружия лучше иметь хоть какую-то оборону, чем никакой. Подобной точки зрения придерживались, в частности, Э. Теллер, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, ряд других ученых и политиков [Lakoff, York, 1989: 133]. Более радикальную позицию высказывал известный американский аналитик Колин Грей. По его мнению, сдерживание может быть кредитоспособным только в том случае, если США одержат победу в будущей войне, а это возможно только при наличии как наступательных, так и оборонительных вооружений [Schwartz, Derber, 1989: 31].

К началу 1990-х годов даже для сторонников СОИ стало абсолютно ясно, что первоначальная цель — создание всеобъемлющей системы ПРО - недостижима. В этой связи отпала и необходимость обосновывать идею «абсолютной» защиты от стратегических баллистических ракет. В январе 1991 г. президент США Дж. Буш-ст. объявил о переориентации СОИ на более скромные задачи — «Глобальную защиту против ограниченных ударов» (Global Protection Against Limited Strikes — GPALS)³³. В этой программе упор был сделан на предотвращение ракетной угрозы со стороны третьих стран, несанкционированных и случайных пусков ракет³⁴. Таким образом, официальную поддержку американского руководства получила концепция «ПРО-стабильности». Одновременно Советскому Союзу было предложено присоединиться к американской программе. М.С. Горбачев воспринял эту инициативу положительно, но последовавший вскоре распад СССР заставил Соединенные Штаты иметь дело уже с первым президентом России Б.Н. Ельциным.

³³ В этой аббревиатуре, которая в вольном переводе звучит как «а ну-ка, парни», нашла отражение традиция использования аналогичных «звучащих» аббревиатур, заложенная американским математиком, физиком и полиглотом, советником RAND Corporation Джоном фон Ньуманном. Именно он предложил название MAD (сумасшедший) для концепции «взаимного гарантированного уничтожения» и MANIAC (Mathematical Analyzer, Numerical Integrator, and Computer) для одного из типов компьютеров.

³⁴ Global Protection against Limited Strikes (GPALS). Available at: <http://www.globalsecurity.org/space/systems/gpals.htm> (accessed: 13.08.2015).

Российское руководство с энтузиазмом отнеслось к идее о совместной системе обороны против баллистических ракет. Б.Н. Ельцин считал, что такая программа может «заменить СОИ» и позволит создать единую систему, которая бы управлялась совместно Россией и США. Более осторожные предложения сводились к тому, чтобы космос и «экзотические» системы ПРО остались Соединенными Штатами, а Россия бы отвечала за разработку наземных систем. На первых этапах предполагалось ограничить сотрудничество созданием совместной системы предупреждения о нападении с использованием баллистических ракет, что и было принято в качестве официальной позиции Москвы по данному вопросу [Implications of strategic defense deployments for US-Russian relations, 1992: 9].

Однако в итоге эти начинания к успеху не привели. В России продолжались интенсивные дебаты по проблемам стратегической стабильности, что в основном было связано с ратификацией Договора СНВ-2. При этом возобладала точка зрения о необходимости сохранения Договора по ПРО в качестве «краеугольного камня» стратегической стабильности. Более того, с этим определением согласилась и администрация США. Так, в ходе визита в Москву в июне 2000 г. американского президента главы двух стран У. Клинтон и В.В. Путин и подписали Совместное заявление о принципах стратегической стабильности. Как гласил один из пунктов этого документа, стороны «согласны в том, что Договор по ПРО вносит существенный вклад в дело сокращения наступательных сил, и подтверждают свою приверженность этому Договору как краеугольному камню стратегической стабильности»³⁵. Таким образом, концепция «ВГУ-стабильности» в очередной раз одержала верх, но, как выяснилось впоследствии, ненадолго.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. новая администрация Дж. Буша-мл. в декабре того же года объявила о выходе Соединенных Штатов из Договора по ПРО³⁶. Американский президент, комментируя свое решение, заявил, что Россия и США выработывают «общую основу для новых стратегических отноше-

³⁵ Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о принципах стратегической стабильности. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/06/124416.shtml> (дата обращения: 22.08.2015).

³⁶ Согласно этому Договору каждая из сторон имеет право выйти из него, «если она решит, что связанные с настоящим Договором исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее высшие интересы». Соответствующее уведомление должно быть сделано за 6 месяцев до такого выхода. Таким образом, США вышли из Договора по ПРО в середине июня 2002 г.

ний», в связи с чем переходят от концепции ВГУ к «взаимному сотрудничеству». В этой связи можно констатировать, что с данного момента США в очередной раз отказались от «ВГУ-стабильности» и предприняли попытку установить какую-то другую основу для стратегических отношений с Россией, в которой не было бы места «стратегической стабильности» как таковой.

Однако для того чтобы такая новая основа «вступила в действие», нужно согласие обеих сторон, к чему Россия была явно не готова. Это стало абсолютно ясно из ответного заявления президента В.В. Путина в связи с объявленным США односторонним выходом из Договора по ПРО. Оценив американское решение как «ошибочное», он сказал, что «нельзя допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности»³⁷.

В первом десятилетии нового века разногласия России и США по вопросу о роли стратегической стабильности в укреплении безопасности сторон постоянно нарастали. Так, из американских официальных документов термин «стратегическая стабильность» практически полностью исчез, а в России, напротив, «культ стратегической стабильности» получил развитие. При этом, исходя из принятых нами определений, российское руководство и различные комментаторы вели речь именно о «ВГУ-стабильности», полностью отвергая вклад ПРО в укрепление международной безопасности. Отрицалась и угроза со стороны ракетных и ядерных программ «третьих стран» — Северной Кореи, Ирана и др. Особое раздражение российского руководства вызывала постоянно «уточняющаяся» программа развертывания американской системы ПРО в Европе, по поводу которой Москва делала весьма острые высказывания, сравнивая ее с размещением ядерных ракет средней дальности «Першинг»³⁸. Так, В.В. Путин заявлял о появлении в Европе части «американской системы ядерных вооружений» и системы «стратегического ядерного комплекса» США. Тем не менее Россия продолжала считать возможным сотрудничество с Вашингтоном и Брюсселем в сфере создания «совместной» ПРО, о чем также был сделан ряд деклараций³⁹.

³⁷ США уведомили Россию об одностороннем выходе из Договора по ПРО от 1972 года // Newsru.com. 13.12.2001 г. Доступ: <http://www.newsru.com/world/13Dec2001/pro1.html> (дата обращения: 23.08.2015).

³⁸ Заявления для прессы и ответы на вопросы по итогам российско-чешских переговоров, 27 апреля 2007 г. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24213> (дата обращения: 24.08.2015).

³⁹ Подробнее о российской позиции по данному вопросу см.: МИД РФ. Проблематика ПРО (справка). Доступ: <http://archive.mid.ru/bdcomp/ns-dvbr.nsf/58954e9b2d194fed432569ea00360f06/580952778217f8e3442579df00238c38!OpenDocument> (дата обращения 25.08.2015).

В то же время российская концепция стратегической стабильности стала обрастать новыми дополнениями. В частности, с российской стороны все настойчивее предлагается учитывать возможное влияние на стратегическую стабильность высокоточного оружия, неядерных стратегических вооружений, космического оружия. При этом, что характерно, авторы подобных предложений не только не уточняют, как нужно «учитывать» эти системы оружия, но и не приводят конкретных определений (не говоря уже об обоснованиях) таких вооружений следует понимать, а без этого, как представляется, никаких конкретных договоренностей достичь невозможно. Единственный вывод, который, на наш взгляд, следует сделать из подобных предложений, — рассматривать их как основание для отказа от будущих соглашений в сфере контроля над вооружениями как таковых.

С приходом в Белый дом администрации Б. Обамы ситуация несколько изменилась. В 2010 г. российская и американская стороны заключили новый Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3), в котором была признана связь между СНВ и «стратегическими оборонительными вооружениями». В соглашении также говорится об укреплении предсказуемости и стабильности⁴⁰. Планы в отношении развертывания ПРО в Европе были пересмотрены в направлении увеличения сроков и изменения мест дислокации оборонительных систем, а в документах администрации США вернулся термин «стратегическая стабильность»⁴¹. Тем не менее все это не давало и не дает оснований считать, что стороны нашли общий язык по поводу дальнейших шагов в сфере ядерного разоружения. Вряд ли можно допустить, что США согласятся с той интерпретацией «ВГУ-стабильности», которой придерживается российская сторона и согласно которой ПРО однозначно характеризуется как дестабилизирующий фактор. В этой связи можно предположить, что даже в отсутствие «украинского кризиса» Москве и Вашингтону вряд ли удалось бы легко договориться о будущем стратегической стабильности, поскольку страны понимают ее по-разному, тем более что Россия осуществляет широкомасштабную программу модернизации СНВ, и одна из ее целей — нейтрализовать подрывающее воздействие американской системы ПРО на безопасность РФ.

⁴⁰ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 23.08.2015).

⁴¹ См.: National Security Strategy. February 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed: 23.08.2015).

6 апреля 2008 г. в г. Сочи Россия и США приняли Декларацию о стратегических рамках российско-американских отношений. В этом документе в очередной раз были провозглашены основополагающие принципы дружбы, сотрудничества, открытости и предсказуемости. Кроме того, было заявлено, что Россия и США «должны перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого, сфокусированных вокруг перспектив взаимного уничтожения, и сосредоточиться на реальных угрозах, которым наши страны противодействуют»⁴². К сожалению, как и многие другие инициативы, данное начинание своего развития не получило. «Перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого» не удалось. Не получен и четкий ответ на вопрос о том, прав ли был А.Н. Косыгин, давая продиктованную «здравым смыслом» положительную характеристику системам ПРО, или в данном случае «парадоксальная логика стратегии» должна быть выше этого «здроваго смысла». В России пока озвучивается однозначная оценка: развертывание систем ПРО тождественно подрыву стратегической стабильности и безопасности. Однако, как представляется, этот ответ не окончательный.

К такому выводу заставляет прийти факт создания в 2011 г. Войск воздушно-космической обороны РФ⁴³, в задачи которых в числе прочего входят «поражение головных частей баллистических ракет вероятного противника, атакующих важные государственные объекты», а также «защита пунктов управления (ПУ) высших звеньев государственного и военного управления, группировок войск (сил), важнейших промышленных и экономических центров и других объектов от ударов средств воздушно-космического нападения (СВКН) противника в пределах зон поражения»⁴⁴. Иными словами, как и США, Россия движется по пути создания и развертывания средств ПРО. Это заставляет сделать вывод о том, что у российского руководства все же имеются серьезные аргументы в пользу таких систем, а если это так, то появляется основа для возобновле-

⁴² Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений. Принята в Сочи 6 апреля 2008 г. по итогам российско-американских переговоров. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/04/163171.shtml> (дата обращения: 26.08.2015).

⁴³ После объединения с ВВС в 2015 г. был образован новый вид ВС — Воздушно-космические силы. Доступ: <http://www.rg.ru/2015/08/03/voiska-site.html> (дата обращения: 26.08.2015).

⁴⁴ Официальный сайт Министерства обороны РФ. Доступ: <http://structure.mil.ru/structure/forces/type/vks.htm> (дата обращения: 26.08.2015).

ния диалога с США по вопросам ПРО и стратегической стабильности, которая допускает наличие оборонительных систем («ПРО-стабильность») и более близка к идее «здорового смысла».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности. М.: УРСС, 2011.
2. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001.
3. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров по СНВ. М.: ИМЭМО РАН, 2000.
4. Brodie B. The development of nuclear strategy // *International Security*. 1978. Vol. 2. No. 4. P. 65–83.
5. Davis M.W. Reagan's real reason for SDI. The Hoover Institution, 2000.
6. Deterrence. Its past and future / Ed. by G.P. Shultz, S.D. Drell, L.E. Goodby. Stanford: Hoover Institution Press, 2011.
7. Implications of strategic defense deployments for US-Russian relations / Ed. by A. Arbatov. The Henry L. Stimson Center. Report No. 4. June 1992.
8. Kahn H. On thermonuclear war. Princeton: Princeton University Press, 1960.
9. Kim R. Basic deterrence on strategic defense. The Heritage Foundation. Backgrounder No. 621. On National Security and Defense. 1987.
10. Kissinger H. Nuclear weapons and foreign policy. New York: Harper & Brothers, 1957.
11. Lakoff S., York H.F. A shield in space? Technology, politics, and the Strategic Defense Initiative. Berkeley: University of California Press, 1989.
12. Luttwak E.N. Strategy. The logic of war and peace. М.: Dmitriy Pozharskiy University, 2012.
13. Managing nuclear operations / Ed. by A.B. Carter, J.D. Steinbruner, C.A. Zraket. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1987.
14. Medalia J.E. The MX basing debate: The Reagan Plan and alternatives. The Library of Congress. Congressional Research Service, 1981.
15. Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter / Ed. by R. Zarate, H. Sokolsky. Strategic Studies Institute, 2009.
16. Powell R. Nuclear deterrence theory, nuclear proliferation, and national missile defense // *International Security*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 86–118.
17. Savelyev A., Detinov N. The big five. Arms control decision-making in the Soviet Union. Westport: Praeger Publishers, 1995.
18. Schelling T.C. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1967.
19. Schelling T.C. The future of arms control // *Operations Research*. 1961. Vol. 9. No. 5. P. 722–731.
20. Schelling T.C. The strategy of conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

21. Schwartz W.A., Derber C. The nuclear seduction. Why the arms race doesn't matter — and what does. Berkeley: University of California Press, 1989.

22. Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Strategic Studies Institute and US Army War College, 2013.

23. Suri J. America's search for a technological solution to the arms race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a challenge for 'Eisenhower Revisionists' // Diplomatic History. 1997. Vol. 21. No. 3. P. 417–451.

24. The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie, F.S. Dunn, A. Wolfers et al. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt: Brace, 1946.

25. Thompson N. The hawk and the dove: Paul Nitze, George Kennan and the history of the Cold War. New York: Henry Holt and Company, 2009.

26. Wohlstetter A. The delicate balance of terror // Foreign Affairs. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.

27. X. [Kennan G.F.]. The sources of Soviet conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. No. 4. P. 566–582.

28. Yost D.S. Strategic stability in the Cold War: Lessons for continuing challenges. IFRI 2011. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 23.10.2015).

A.G. Savelyev

STRATEGIC STABILITY AND NUCLEAR DETERRENCE: LESSONS FROM HISTORY

*Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The article examines the evolution of nuclear deterrence and strategic stability concepts, including their role in security policy of the United States and the USSR (Russia). The works of B. Brodie, T. Schelling, A. Wohlstetter, H. Kahn are the subject of analysis from the point of their contribution to both: the theory and the practice of implementation of this policy at different historical stages of security relations between the two nuclear superpowers. Special attention is paid to the contradictory role of ballistic missile defense in respect of strategic stability theory. The author comes to the conclusion that strategic stability always had as minimum two 'visions'. The first one (the author calls it 'MAD Stability') completely rejects any positive role which can be played by ballistic missile defense in promoting more stable security environment. The second one ('BMD Stability'), to the contrary, suggests that limited BMD systems can only strengthen security and deterrence since it plays very positive role in minimizing the risk of unauthorized and accidental use of nuclear weapons. Alongside with it BMD can complicate the task to deliver a first 'disarming' strike, makes less possible limited nuclear options and can protect against the threat from the third states as well as against terrorist attacks. The author shows that during all the period of nuclear age there was a struggle between

a 'common sense approach' to BMD and the approach, based at 'paradoxical' vision of strategy. The first one was expressed by Soviet Prime Minister A. Kosygin in 1967, who rejected the idea to put a ban on the deployment of antiballistic missile defense since it is designed 'to protect human lives'. The same idea was behind President's R. Reagan 'Strategic Defense Initiative' of 1983. But the major period of time the Parties officially supported a 'MAD Stability' approach, the symbol of which was the ABM Treaty. After the US withdrew from this Treaty in 2002, Russia continued to follow this 'interpretation' of strategic stability which brought a lot of suspicions and critiques of the US 'plans to achieve military superiority'. The author comes to a conclusion that after Russia established in 2011 Air and Space Forces with BMD tasks, the Parties could find common grounds for better understanding and possible future agreements on security issues.

Keywords: strategic stability, security, nuclear deterrence, military doctrines, nuclear strategy, nuclear disarmament, arms control, US-Russian relations, ballistic missiles, ballistic missile defense.

About the author: *Aleksandr G. Savelyev* — Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow, Deputy Head of the Center for International Security, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: saveliev@imemo.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

REFERENCES

1. Kokoshin A.A. 2011. *Problemy obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti: Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Ensuring strategic stability: Theoretical and applied questions]. Moscow, URSS. (In Russ.)
2. Kornienko G.M. 2001. *Kholodnaya voina. Svidetel'stvo ee uchastnika* [Cold War. The testimony of its participant]. Moscow, Olma-Press Publ. (In Russ.)
3. Savelyev A.G. 2000. *Politicheskie i voenno-strategicheskie aspekty dogovorov po SNV* [Political and military-strategic aspects of the START treaties]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
4. Brodie B., Dunn F.S., Wolfers A. et al. (eds.). 1946. *The absolute weapon: Atomic power and world order*. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt, Brace.
5. Brodie B. 1978. The development of nuclear strategy. *International Security*, vol. 2, no. 4, pp. 65–83.
6. Davis M.W. 2000. *Reagan's real reason for SDI*. The Hoover Institution.
7. Shultz G.P., Drell S.D., Goodby L.E. (eds.). 2011. *Deterrence. Its past and future*. Stanford, Hoover Institution Press.
8. Arbatov A. (ed.). 1992. *Implications of strategic defense deployments for US-Russian relations*. The Henry L. Stimson Center. Report No. 4.

9. Kahn H. 1960. *On thermonuclear war*. Princeton, Princeton University Press.
10. Kim R. 1987. *Basic deterrence on strategic defense*. The Heritage Foundation. Backgrounder No. 621. On National Security and Defense.
11. Kissinger H. 1957. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Harper & Brothers.
12. Lakoff S., York H.F. 1989. *A shield in space? Technology, politics, and the Strategic Defense Initiative*. Berkeley, University of California Press.
13. Luttwak E.N. 2012. *Strategy. The logic of war and peace*. Moscow, Dmitriy Pozharskiy University.
14. Carter A.B., Steinbruner J.D., Zraket C.A. (eds.). 1987. *Managing nuclear operations*. Washington, The Brookings Institution.
15. Medalia J.E. 1981. *The MX basing debate: The Reagan Plan and alternatives*. The Library of Congress. Congressional Research Service.
16. Zarate R., Sokolsky H. (eds.). 2009. *Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter*. Strategic Studies Institute.
17. Powell R. 2003. Nuclear deterrence theory, nuclear proliferation, and national missile defense. *International Security*, vol. 27, no. 4, pp. 86–118.
18. Savelyev A., Detinov N. 1995. *The big five. Arms control decision-making in the Soviet Union*. Westport, Praeger Publishers.
19. Schelling T.C. 1967. *Arms and influence*. New Haven, Yale University Press.
20. Schelling T.C. 1961. The future of arms control. *Operations Research*, vol. 9, no. 5, pp. 722–731.
21. Schelling T.C. 1960. *The strategy of conflict*. Cambridge, Harvard University Press.
22. Schwartz W.A., Derber C. 1989. *The nuclear seduction. Why the arms race doesn't matter — and what does*. Berkeley, University of California Press.
23. Colby E.A., Gerson M.S. (eds.). 2013. *Strategic stability: Contending interpretations*. Strategic Studies Institute and US Army War College.
24. Suri J. 1997. America's search for a technological solution to the arms race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a challenge for 'Eisenhower Revisionists'. *Diplomatic History*, vol. 21, no. 3, pp. 417–451.
25. Thompson N. 2009. *The hawk and the dove: Paul Nitze, George Kennan and the history of the Cold War*. New York, Henry Holt and Company.
26. Wohlstetter A. 1959. The delicate balance of terror. *Foreign Affairs*, vol. 37, no. 2, pp. 211–234.
27. X. [Kennan G.F.]. 1947. The sources of Soviet conduct. *Foreign Affairs*, vol. 25, no. 4, pp. 566–582.
28. Yost D.S. *Strategic stability in the Cold War: Lessons for continuing challenges*. IFRI 2011. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 23.10.2015).